

Дни пролетели незаметно, и наступил канун Нового года.

День выдался пасмурным, и хотя снег не шел, холод стоял пробирающий.

Шэнь Цюэ поверх халата набросил отороченную кроличьим мехом накидку, завязав её на груди — две белоснежные кисточки при каждом шаге слегка подрагивали.

Два дня назад чиновники ушли на новогодние каникулы. Ванье не выходил на утренние аудиенции, сопровождать его не требовалось, и утренние дежурства можно было начать позже.

Но Шэнь Цюэ привык вставать рано. Сейчас он, коротая время, сидел у угольной жаровни, грел над огнем ладони и задумчиво смотрел на пляшущие языки пламени, как вдруг во дворе послышались торопливые шаги.

Шэнь Цюэ обернулся и увидел Сюй Юаньчжи в ярко-оранжевом ватнике. Мальчик вбежал во двор, тяжело дыша, и выдохнул облачко пара:

— Господин, там к вам пришли.

— Непоседа, — Шэнь Цюэ протянул руку, поправляя сбившуюся набок теплую шапку мальчишки, а затем медленно показал жестами: — Запомни, здесь не улица. Даже если дело срочное, нельзя так носиться. Ваше Высочество терпеть не может шума и суеты. Если случайно столкнешься с ним, даже я не смогу тебя защитить.

Мальчик был смышленным и схватывал язык жестов на лету — всего за месяц он научился понимать почти всё, что пытался сказать Шэнь Цюэ.

Юаньчжи кивнул, виновато опустив голову:

— Я понял свою ошибку, господин. Больше не буду бегать.

Дождавшись, пока тот ответит, Шэнь Цюэ спросил:

— Так кто там пришел?

Видя, что Шэнь Цюэ не отвечает, Юаньчжи осторожно добавил:

— Если вы не хотите его видеть, я сам выйду. Встречусь с ним за воротами резиденции, этого будет достаточно.

Он вложил в ладонь Шэнь Цюэ сахарную лепешку и, не дожидаясь ответа, убежал.

Юаньчжи слегка опустил взгляд, уголки глаз у него печально подернулись — казалось, он был не слишком рад визиту.

Шэнь Цюэ нахмурился. Он уже успел убедиться, насколько назойлив этот актер. С тех пор как он забрал Юаньчжи, этот молоденький певец заявлялся в княжескую резиденцию каждые три дня. Прикрывался тем, что якобы навещает племянника, но стоило ему прийти, как взгляд его неизменно устремлялся не на Юаньчжи, а на самого Шэнь Цюэ, и он часами не желал уходить из его покоев.

Ши И вошел в комнату, нагруженный свертками. Стоило ему нагнуться, чтобы поставить их на пол, как актер бросился к нему, перехватывая руки:

— Осторожнее! В этой деревянной шкатулке ценная вещь, лучше отдайте её мне!

Впереди шел Ши И, а следом за ним — Сюй Сысянь, за руку с которым держался маленький Юаньчжи.

Когда Юаньчжи ел сахарные лепешки, на его щеках появлялись крошечные ямочки.

Но всё же Юаньчжи провел с Сысянем много лет, между ними оставалась какая-никакая привязанность, и Шэнь Цюэ не мог просто отрезать все связи и запретить им видеться.

Заметив, что Шэнь Цюэ смотрит на него, Сюй Сысянь невозмутимо улыбнулся:

— Выдалась свободная минутка, решил провести Дин Сян'эра, заодно привез вам новогодних гостинцев: здесь вино, парные надписи, весенние пожелания, праздничные подношения и коробка сладостей.

Голос у него был удивительно приятным, звонким, как у иволги, и даже когда он кричал, это не вызывало раздражения.

Шэнь Цюэ был польщен, но, зная цену этого чая, всегда заваривал его понемногу.

Господин Сюй — тот самый молодой актер, с которым Шэнь Цюэ познакомился в доме главной куртизанки. Шэнь Цюэ слышал, что прежний хозяин театра тяжело заболел и не пережил недавние метели, и теперь этот юноша стал новым владельцем труппы.

Юаньчжи тихо перебил:

— Меня зовут не Дин Сян'эр. Теперь я Сюй Юаньчжи.

— Это мой настав... — Юаньчжи понизил голос, запнулся и поправился: — Пришел господин Сюй из театра.

Актер, вероятно, понял, что Шэнь Цюэ мягок характером, поэтому и продолжал докучать ему визитами.

Лепешка была съедена, вода в чайнике закипела. Шэнь Цюэ щипчиками насыпал в фарфоровую чашку немного чая Мэншань — подарок Вашего Высочества, дань из Сичуаня. В императорских мастерских приготовили всего две порции, и Ваше Высочество пожаловал их только ему и Шэнь Сянчжи.

Шэнь Цюэ потрепал мальчишку по голове и кивнул:

— Возвращайся поскорее.

Не успел чай настояться, как во дворе снова слышались шаги. Дверь была приоткрыта, и Шэнь Цюэ сразу увидел троих входящих.

Шэнь Цюэ на мгновение замер, затем взял кусочек еще теплой лепешки, поднес к носу и вдохнул знакомый сладкий аромат.

Он не удержался и откусил кусочек — лепешка оказалась очень сладкой, и на его щеках проступили едва заметные ямочки.

Юаньчжи не спешил уходить, он достал из-за пазухи завернутую в промасленную бумагу сладость. Мальчик былмышленым: хотя Шэнь Цюэ был непривередлив в еде, Юаньчжи заметил, что господин любит сладкое.

Сюй Сысянь был одет в персикового цвета халат, на шее — меховой воротник, в волосах — цветок красной сливы. Лицо чистое, без капли румян, словно распустившийся лотос, вышедший из воды.

Шэнь Цюэ совсем не ожидал такого подарка, поэтому жестко ответил жестами:

— Мы не родственники, тебе не нужно приносить это. Забирай обратно, мне не нужно.

Актер не понимал языка жестов, и Ши И поспешил «перевести»:

— Он говорит, что очень рад и благодарит вас за беспокойство.

Сюй Сысянь рассмеялся. Он не знал жестов, но по выражению лица Шэнь Цюэ понял, что тот

вовсе не это имел в виду. Впрочем, он никогда не стеснялся и бесцеремонно уселся за чайный столик:

— Одной благодарностью сыт не будешь. Господин, лучше пригласите меня чаю попить.

Шэнь Цюэ бросил гневный взгляд на Ши И, а затем посмотрел на стоявшего рядом Юаньчжи.

Тот, нервно теребя край ватника, прошептал:

— Настав... господин Сюй сказал, что вещей слишком много, а я маленький и не донесу, вот он и решил принести сам.

Шэнь Цюэ снова посмотрел на Ши И. Тот отозвался:

— Увидел их по дороге, как раз собирался к тебе заглянуть, вот и помог донести.

Раз уж они пришли, Шэнь Цюэ не мог выставить их за дверь, поэтому пригласил Ши И и Юаньчжи сесть и налил им горячего чая.

Ши И покачал головой:

— Я не останусь, там ребята из Управления наказаний затеяли игру, зовут меня.

Когда Шэнь Цюэ провожал его до ворот, Ши И наклонился к самому его уху и с усмешкой спросил:

— Чего это актер к тебе зачастил?

Шэнь Цюэ отстранился, прикрыв ухо рукой, и показал жестами:

— Кто знает.

Ши И понял, что тот не любит фамильярности, и отошел, добавив с лукавой улыбкой:

— А как он на тебя смотрит, ух...

Шэнь Цюэ обернулся и увидел, что этот «лотос» подпирает щеку рукой и смотрит на него с нескрываемым обожанием.

Шэнь Цюэ поспешно отвел взгляд.

Ши И сделал шаг за ворота и уже серьезнее добавил:

— Я так, шутки ради. Ваше Высочество не любит, когда мы заводим близость с актерами или певичками. Поиграть — еще куда ни шло, но если привяжешься по-настоящему — с тебя шкуру сдерут. Разорят до нитки, да еще и имя опозорят.

Шэнь Цюэ всё это знал. Он и не думал сближаться с этим актером, просто из жалости и сострадания не мог выгнать его прочь.

— Я знаю, — показал жестами Шэнь Цюэ. — Я не буду иметь с ним дел, не волнуйся.

Проводив Ши И, Шэнь Цюэ вернулся в комнату. Только он переступил порог, как услышал, что актер, дергая Юаньчжи за рукав, злобно спрашивает:

— Ты сказал, что это господин тебе сделал?

Юаньчжи испуганно кивнул.

— Да как ты смеешь! — Сюй Сысянь в ярости дернул его за руку. Юаньчжи был слабее и едва не упал.

К счастью, Шэнь Цюэ успел подхватить мальчика. Сюй Сысянь тут же отпрянул, скрестил руки на груди и обиженно проворчал:

— Жаль, что я родился раньше, не повезло мне так, как этому мальчишке.

Он был совсем юн, и без грима выглядел как ребенок, лишь в глазах светилось нечто, несвойственное обычным подросткам.

Шэнь Цюэ с досадой показал жестами, а Юаньчжи перевел:

— Господин говорит... больше не приходите...

Не успел он договорить, как актер бросился на него, но Юаньчжи, словно ожидая этого, спрятался за спину Шэнь Цюэ.

Они начали бегать вокруг Шэнь Цюэ, как вокруг столба. Сюй Сысянь тянулся к его воротнику:

— Волчонок неблагодарный! Забыл, кто выкупил тебя и твою мать у того проклятого мужчины? Кто кормил и одевал тебя каждый день? Еще смеешь врать, что господин не велит мне приходить! Да я тебя сейчас так отхожу, что забудешь, как не слушаться!

Юаньчжи кричал, уворачиваясь:

— Я больше не из твоей труппы! Моя купчая у господина, ты не имеешь права меня бить!

— Ах так! — взвился Сюй Сысянь. — Ты теперь презираешь нас, людей из театра? Деньги, за которые я выкупил тебя и твою мать, я вымаливал у одного евнуха, глотая слезы! Знаешь, как он меня тогда отделал? Все могут меня презирать, называть грязным, но только не ты!

Шэнь Цюэ хотел вмешаться и приобнял Сюй Сысяня за плечи, но тот, извернувшись, тут же прильнул к нему.

Гнев в его глазах мгновенно сменился нежностью, словно он снова играл роль на сцене.

— Будь со мной, — прошептал актер, глядя на него с мольбой. — Прошу, относись ко мне так же, как к Дин Сян'эру, подари мне хоть немного искренности. Я отдам тебе всё, что хочешь, хорошо?

Шэнь Цюэ застыл, а актер уже обнял его за спину, прижавшись всем телом и слегка запрокинув голову, ожидая поцелуя.

Юаньчжи, привыкший к таким сценам, поспешно выбежал вон, заботливо прикрыв за собой дверь.

Обычно в такие моменты даже у самого твердого мужчины сердце тает, тем более что перед ним был не просто какой-то певец, а звезда столичных подмостков, за которым охотились многие богачи.

Но Шэнь Цюэ не был обычным мужчиной. Он был неподвижным омутом, камнем в глубине гор, чуждым страстей и желаний. И лишь один человек мог коснуться его души.

Поэтому он оттолкнул его.

Сюй Сысянь не мог поверить своим глазам. Еще ни один мужчина не отталкивал его, Шэнь Цюэ был первым.

Он разозлился. В их кругу не принято иметь гордость, но сейчас он чувствовал, что его единственная крупница самоуважения была растоптана Шэнь Цюэ.

— Ты хоть знаешь, — он ткнул пальцем в грудь Шэнь Цюэ, намеренно громко выкрикнув, — сколько стоят мои поцелуи?

Шэнь Цюэ молча смотрел на него.

Голос Суй Сысяня невольно дрогнул, в глазах заблестели слезы, которые он изо всех сил сдерживал.

— Неблагодарный! — бросил он и выбежал из комнаты.

Шэнь Цюэ хотел вернуть ему новогодние подарки, поэтому не сразу бросился в погоню.

Дверь была приоткрыта, и он услышал, как актер снаружи на кого-то кричит:

— Кто позволил тебе подслушивать?

Раздались звуки ударов. Шэнь Цюэ испугался, что тот покалечит Юаньчжи, и, бросив подарки, выбежал наружу.

Актер, увидев его, тут же скрылся. Шэнь Цюэ не мог крикнуть вслед, пробежал пару шагов, но, поняв, что не догонит, вернулся.

Оставив вещи, он осмотрел Юаньчжи: на белых щеках алели следы от пощечин, из носа текла кровь, капая на снег.

Шэнь Цюэ принялся вытирать его платком.

Мальчик растерянно протянул два слитка серебра — это были деньги, за которые его купили. Актер заломил цену в сто лян, а Шэнь Цюэ не стал торговаться и просто отдал деньги.

Се Шигуань тогда отчитал его, говоря, что самого Шэнь Цюэ когда-то купили за пять лян, а теперь он переплатил сотню за мальчишку, у которого даже пушок не вырос.

— Он сказал, что хочет вернуть деньги господину.

Шэнь Цюэ велел ему молчать и, набрав горсть снега, приложил к его лбу.

Мальчик украдкой посмотрел в ту сторону, куда убежал актер, и тихо прошептал:

— Он еще сказал... за что господин выкупил меня, но не хочет выкупать его.

— Я не держу на него зла, — пробормотал Юаньчжи, вытирая окровавленный рот. — Он мой благодетель. Я знаю, он просто завидует мне.

— Завидует, что меня есть кому жалеть.

<http://bllate.org/book/19999/1972169>